

Музей Александра III. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Музей Александра III. Марина Ивановна Цветаева

“Звонили колокола по скончавшемуся императору Александру III, и в то же время отходила одна московская старушка. И, слушая колокола, сказала: “Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя”. Состояние было небольшое: всего только двадцать тысяч. С этих-то двадцати старушкиных тысяч и начался музей”. Вот в точности, слово в слово, постоянно, с детства мною слышанный рассказ моего отца, Ивана Владимировича Цветаева, о происхождении Музея изящных искусств имени императора Александра III.

Но мечта о музее началась раньше, намного раньше, в те времена, когда мой отец, сын бедного сельского священника села Талицы, Шуйского уезда, Владимирской губернии, откомандированный Киевским университетом за границу, двадцатилетним филологом впервые вступил ногой на римский камень. Но я ошибаюсь: в эту секунду создалось решение к бытию такого музея, мечта о музее началась, конечно, до Рима – еще в разливанных садах Киева, а может быть, еще и в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за лучиной изучал латынь и греческий. “Вот бы глазами взглянуть!” Позже же, узрев: “Вот бы другие (такие же, как он, босоногие и “лучинные”) могли глазами взглянуть!”

Мечта о русском музее скульптуры была, могу смело сказать, с отцом сорожденная. Год рождения моего отца – 1846 г.

* * *

Город Таруса, Калужской губернии. Дача “Песочная”. (Старый барский дом исчезнувшего имения, пошедший под “дачу”.) Дача Песочная в двух верстах от Тарусы, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки, – с такими березами... Осень. Последние – ярко и мелко-розовые, безымянные, с чудным запахом, узнаваемые потом везде и всегда, – цветочки в колеях. Папа и мама уехали на Урал за мрамором для музея. Малолетняя Ася – бонне: “Августа Ивановна, а что такое – музей?” – “Это такой дом, где будут разный рыб и змей, засушенный”. – “Зачем?” – “Чтоб студент мог учить”. И, радуясь будущей учености “студента”, а может быть, просто пользуясь отсутствием родителей, неожиданно раздражается ослепительным тирольским “иодль”. Пишем папе и маме письма, пишу – я, неграмотная Ася рисует музеи и Уралы, на каждом Урале – по музею. “А вот еще Урал, а вот еще Урал, а вот еще Урал”, – и, заведя от рвения язык почти за край щеки: “А вот еще музей, а вот еще музей, а вот еще музей...” Я же, с тоже высунутым языком, честно и мощно вывожу: “Нашли ли мрамор для музея и крепкий ли? У нас в Тарусе тоже есть мрамор, только не крепкий...” Мысленно же: “Нашли ли для нас кота – и уральский ли? У нас в Тарусе тоже есть коты, только не уральские”. Но написать, по кодексу нашего дома, не решаюсь.

В одно прекрасное утро вся дача Песочная заполняется кусками разноцветного камня: голубого, розового, лилового, с ручьями и реками, с целыми видами... Есть один – как ломоть ростбифа, а вот этот, пузырчатый, точно синий вскипевший кофе. На большой правильный квадрат белого, чуть серого, чуть мерцающего камня мы даже и не смотрим. Это-то и есть мрамор для музея. Но уральского кота, обещанного, родители не привезли.

* * *

Одно из первых моих впечатлений о музее – закладка. Слово – закладка, вошедшее в нашу жизнь, как многие другие слова, и утвердившееся в ней самостоятельно, вне смыслового наполнения, либо с иносмысловым. Мама и Лёра шьют платья к закладке. Дедушка приедет на закладку из Карлсбада. Дай Бог, чтобы в день закладки была хорошая погода. На закладке будет государь и обе государыни. В конце концов, кто-то из нас (не я, всегда отличавшаяся обратным любознательности, то есть абсолютным фатализмом): “Мама, а что такое закладка?” – “Будет молебен, потом государь положит под камень монету, и музей будет заложен”. – “А зачем монету?” – “На счастье”. – “А потом ее опять возьмет?” – “Нет, оставит”. – “Зачем?” – “Отстань”. (Монету – под камень. Так мы в Тарусе хоронили птиц, заеденных Васькой. Сверху – крестик.) На закладку нас, конечно, не взяли, но день был сияющий, мама и Лёра поехали нарядные, и государь положил монету. Музей был заложен. Отец же три дня подряд напел свой единственный за жизнь мотив: три первых такта какой-то арии Верди.

* * *

Первое мое видение музея – леса. По лесам, – как птицы по жердям, как козы по уступам, в полной свободе, высоте, пустоте, в полном сне... “Да не скажи же ты так! Осторожней, коза!” Эту “козу” прошу запомнить, ибо она промелькнула и в моем последнем видении музея.

Мы с Асей впереди, взрослые – отец, мать, архитектор Клейн, еще какие-то господа – следом. Спокойно-радостный повествующий голос отца: “Здесь будет это, тут встанет то-то, отсюда – туда-то...” (Это “то-то”, “туда-то” – где это отец все видит? А как ясно видит, даже рукой показывает!) Внизу, сквозь переплеты перекладин – черная земля, вверху, сквозь те же переплеты – голубое небо. Кажется, отсюда так легко упасть наверх, как вниз. Музейные леса. Мой первый отрыв от земли.

* * *

А вот другое видение. Во дворе будущего музея, в самый мороз, веселые черноокие люди перекатывают огромные, выше себя ростом, квадраты мрамора, похожие на гигантские куски сахара, под раскатистую речь, сплошь на р, крупную и громкую, как тот же мрамор. “А это итальянцы, они приехали из Италии, чтобы строить музей. Скажи им: “Buon giorno, come sta?” [1] В ответ на привет – зубы, белей всех Сахаров и мраморов, в живой оправе благодарнейшей из улыбок. Годы (хочется сказать столетия) спустя, читая на листке почтовой бумаги посвященную мне О. Мандельштамом “Флоренцию в Москве” – я не вспомнила, а увидела тех итальянских каменщиков на Волхонке.

* * *

Слово “музей” мы, дети, неизменно слышали в окружении имен: великий князь Сергей Александрович, Нечаев-Мальцев, Роман Иванович Клейн и еще Гусев-Хрустальный. Первое понятно, ибо великий князь был покровителем искусств, архитектор Клейн понятен тоже (он же строил Драгомиловский мост через Москва-реку), но Нечаева-Мальцева и Гусева-Хрустального нужно объяснить. Нечаев-Мальцев был крупнейший хрусталезаводчик в городе Гусеве, потому и ставшем Хрустальным. Не знаю почему, по непосредственной ли любви к искусству или просто “для души” и даже для ее спасения (сознание неправды денег в русской душе невытравимо), – во всяком случае, под неустанным и страстным воздействием моего отца (можно сказать, что отец Мальцева обрабатывал, как те итальянцы – мрамор) Нечаев-Мальцев стал главным, широко говоря – единственным жертвователем музея, таким же его физическим создателем, как отец – духовным. (Даже такая шутка по Москве ходила: “Цветаев-Мальцев”.)

Нечаев-Мальцев в Москве не жил, и мы в раннем детстве его никогда не видели, зато постоянно слышали. Для нас Нечаев-Мальцев был почти что обиходом. “Телеграмма от Нечаева-Мальцева”. “Завтракать с Нечаевым-Мальцевым”. – “Ехать к Нечаеву-Мальцеву в Петербург”. Почти что обиходом и немножко канитферштаном, которого, прибавлю в скобках, ни один ребенок, к чести детства, не понимает в его настоящем юмористическом смысле, то есть именно в самом настоящем: человеческом (бедный, бедный канитферштан!).

– Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? – жаловался отец матери после каждого из таких завтраков, – опять всякие пулярды и устрицы... Да я устриц в рот не беру, не говоря уже о всяких шабли. Ну, зачем мне, сыну сельского священника – устрицы? А заставляет, злодей, заставляет! “Нет уж, голубчик вы мой, соблаговолите!” Он, может быть, думает, что я – стесняюсь, что ли? Да какое стесняюсь, когда сердце разрывается от жалости: ведь на эту сторублевку – что можно для музея сделать! Из-за каждой дверной задвижки торгуется – что, да зачем – а на чрево свое, на этих негодных устриц ста рублей не жалеет. Выкинутые деньги! Что бы мне – на музей! И завтра с ним завтракать, и послезавтра, так на целые пять сотен и назавтракаем. Хоть бы мне мою долю на руки выдал! Ведь самое обидное, что я сам музей объедаю...

С течением времени принципом моего отца с Нечаевым-Мальцевым стало – ставить его перед готовым фактом, то есть счетом. Расчет был верный: счет – надо платить, предложение – нужно отказывать. Счет для делового человека – судьба. Счет – рок. Просьба – полная свобода воли и даже простор своеволию. Все расстояние от: “Нельзя же не” до: “Раз можно не”. Это мой отец, самый непрактичный из неделовых людей, учел. Так Нечаев-Мальцев кормил моего отца трюфелями, а отец Нечаева-Мальцева – счетами. И всегда к концу завтрака, под то самое насильное

Музей Александра III. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru шабли. “Человек ему – свой счет, а я свой, свои...” – “И что же?” – “Ничего. Только помычал”. Но когда мой отец, увлекшись и забывшись, события (конец завтрака и свершившийся факт заказа) опережал: “А хорошо бы нам, Юрий Степанович, выписать из-за границы...” – настороженный жертвователь, не дав договорить: “Не могу. Разорен. Рабочие... Что вы меня – вконец разорить хотите? Да это же какая-то прорва, наконец! Пусть государь дает, его же родителя – имени...” И чем меньше предполагалась затрата – тем окончательнее отказывался жертвователь. Так, некоторых пустяков он по старческому и миллионщикову упорству не утвердил никогда. Но когда в 1905 году его заводы стали, тем нанося ему несметные убытки, он ни рубля не урезал у музея. Нечаев-Мальцев на музей дал три миллиона, покойный государь триста тысяч. Эти цифры помню достоверно. Музей Александра III есть четырнадцатилетний бессребренный труд моего отца и три мальцевских, таких же бессребренных миллиона. Где те пуды цветаевско-мальцевской переписки, которую отец, чтобы дать заработать, дал одной из своих племянниц, круглолицей поповне и курсистке Тоне, переписывать от руки в огромный фолиант, который бедная Тоня, сопя и корпя и ничего не понимая (была медичка!), тоскливо называла “моя плешь”? Помню, что за трехмесячную работу девушка получила тридцать рублей. Таковы были цены. Но такова еще была особая – музейная! – бережливость отца. “И тридцать рублей заработает, и, по крайней мере, знать будет, что такое музей и как он строится. Лучше – чем с подружками чай распивать!”

Ближайшим сотрудником моего отца была моя мать, Мария Александровна Цветаева, рожденная Мейн. Она вела всю его обширную иностранную переписку и, часто, заочным красноречием своим, какой-то особой грацией шутки или лести (с французом), строкой из поэта (с англичанином), каким-нибудь вопросом о детях и саде (с немцем) – той человеческой нотой в деловом письме, личной – в официальном, иногда же просто удачным словесным оборотом, сразу добивалась того, чего бы только с трудом и совсем иначе добился мой отец. Главной же тайной ее успеха были, конечно, не словесные обороты, которые есть только слуги, а тот сердечный жар, без которого словесный дар – ничто. И, говоря о ее помощи отцу, я прежде всего говорю о неослабности ее духовного участия, чуде женской причастности, вхождения во все и выхождения из всего – победителем. Помогать музею было прежде всего духовно помогать отцу: верить в него, а когда нужно, и за него. Так, от дверных ручек упирающегося жертвователя до завитков колонн, музей – весь стоит на женском участии. Это я, детский свидетель тех лет, должна сказать, ибо за меня этого не скажет (ибо так глубоко не знает) – никто. Когда она в 1902 году заболела туберкулезом и выехала с младшими детьми за границу, ее участие не только не ослабло, но еще усугубилось – всей силой тоски. Из Москвы то в генуэзское Нерви, то в Лозанну, то во Фрейбург шли подробные отчеты о каждом вершковом приросте ширящегося и высыхающего музея. (Так родители, радуясь, отмечают рост ребенка на двери и в дневнике.) И такие же из Нерви, Лозанны и т. д. любовные опросные листы. Когда дозволяло здоровье, верней болезнь, она, по поручению отца, ездила по старым дорожкам Германии, с которой был особенно связан мой отец, выбирая и направляя, торопя и горяча, добиваясь и сбавок и улыбок. (А у делового немца добиться улыбки...) Не забывали и мы с Асей нашего гигантского младшего брата. В каждом письме – то из Лозанны, то из Фрейбурга, после описания какого-нибудь *tour du lac*[2] или восхождения на очередной шварцвальдский холм, приписка, сначала, по малолетству, совсем глупая: “Как Васька? Как музей?” – но со временем и более просвещенные. К одиннадцати годам и я втянулась в работу, а именно, когда мы все съезжались, писала отцу его немецкие письма. (Отец языки знал отлично, но, как самоучка, и пиша и говоря, именно переводил с русского. Кроме итальянского, который знал как родной и на котором долгие годы молодости читал в Болонском университете.) Как сейчас помню “Hildesheimer Silberfund”[3] и “Professor Freu”. Зато какое сияние гордости, когда в ответном письме за таким-то № в конце приписка: “Gruessen Sie mir ihr lebenswuerdiges und pflichttreues Tochterlein”[4].

Немецкую переписку отца я вела до самой его кончины (1913 г.).

Теперь расскажу о страшном его и матери, всех нас, горе, когда зимой 1904 – 1905 года сгорела часть коллекций музея (очевидно, та деревянная скульптура, которую и заказывали в Германии). Мне кажется, это было на Рождество, потому что отец был с нами во Фрейбурге. Телеграмма. Отец молча передает матери. Помню ее задохнувшийся, захлебнувшийся голос, без слов, кажется: “А-ах!” И отцовское – она тогда была уже очень больна – умиротворяющее, смиренное, бесконечно-разбитое: “Ничего. Даст Бог. Как-нибудь”. (Телеграмма, сгоряча, была: музей горит.) И его безмолвные слезы, от которых мы с Асей, никогда не видевшие

Музей Александра III. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
его плачущим, в каком-то ужасе отвернулись.

Мать до последней секунды помнила музей и, умирая, последним голосом, из последних легких пожелала отцу счастливого завершения его (да и ее!) детища. Думаю, что не одних нас, выросшими, видела она предсмертным оком.

Говоря о матери, не могу не упомянуть ее отца, моего деда, Александра Даниловича Мейна, еще до старушкиных тысяч, до клейновского плана, до всякой зримости и осязаемости, в отцовскую мечту – поверившего, его в ней, уже совсем больным, неустанно поддерживавшего и оставившего на музей часть своего состояния. Так что спокойно могу сказать, что по-настоящему заложен был музей в доме моего деда, А. Д. Мейна, в Неопалимовском переулке, на Москве-реке. Все они умерли, и я должна сказать.

Август 1933

Примечания

1 Доброе утро, как поживаете? (ит.).

2 Прогулки по озеру (фр.)

3 Гильдесгеймский серебряный клад (нем.).

4 Передайте от меня привет Вашей милой и добросовестной дочурке (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!